

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2023. Том 27, № 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81'373.2

ББК 84-4:81.411.2

DOI 10.18522/1995-0640-2023-2-29-40

СПЕЦИФИКА ЖЕНСКОГО АНТРОПОНИМИКОНА В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

Надежда Борисовна Бугакова

Воронежский государственный технический университет,
Воронеж, Россия

Аннотация. Рассматривается семантический потенциал женских антропонимов в романе А. Платонова «Чевенгур». Очевидно, что выбор того или иного онима в качестве номинации персонажа всегда обусловлен совокупностью ассоциаций автора, связанных с тем или иным именем. Выявлено, что имя выступает одним из способов узнать героя, поскольку указывает на принадлежность к конкретному времени, историческим событиям, социуму. Женский антропонимикон романа А. Платонова представляет собой целостную систему и служит для демонстрации важнейших для писателя смыслов, раскрывающих его индивидуально-авторскую картину мира.

Ключевые слова: А. Платонов, «Чевенгур», оним, антропоним, семантический потенциал

Для цитирования: Бугакова Н. Б. Специфика женского антропонимикона в романе А. Платонова «Чевенгур» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2023. Т. 27. № 2. С. 29 – 40.

Original article

THE SPECIFICITY OF THE FEMALE ANTHROPONYMICON IN A. PLATONOV'S NOVEL "CHEVENGUR"

Nadezhda B. Bugakova

Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation

Abstract. The semantic potential of female anthroponyms in A. Platonov's novel "Chevengur" is considered. It is obvious that the choice of one or another onym as a nomination of a character is always determined directly by the author's associations associated with this or that name. It was revealed that the name is one of the ways to recognize the hero, since it indicates belonging to a specific time, historical events, and society. The anthroponymicon of A. Platonov's novel serves to demonstrate the most important meanings of the writer's images, revealing his individual author's picture of the world.

Key words: A. Platonov, "Chevengur", onym, anthroponym, semantic potential

For citation: Bugakova N. B. The Specificity of the Female Anthroponymicon in A. Platonov's Novel "Chevengur" // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2023. Vol. 27, № 2. P. 29 – 40.

Введение

Ономастические единицы, функционирующие в художественном тексте, помимо прочего, участвуют в создании художественного образа. Большое влияние на выбор автором имени персонажа оказывает ассоциация, которая возникает в сознании писателя в связи с тем или иным именем. Полагаем, это обстоятельство обусловлено тем, что для писателя имя – одно из основных средств создания образа героя. Очевидно, что имя собственное – это особый художественный элемент, не существующий в тексте самостоятельно и всегда взаимосвязанный с другими элементами текста, поскольку это необходимо автору для создания художественного образа. Анализ взаимодействия этих элементов позволяет точнее понять замысел автора и цель введения в текст той или иной ономастической единицы.

Предлагаемое исследование направлено на выявление семантического потенциала женских антропонимов в романе А. Платонова «Чевенгур». Необходимо отметить, что попытки анализа ономастикона А. Платонова предпринимались. В этой связи могут быть упомянуты, например, работы Г. Ф. Ковалева [Ковалев, 2014], Чыонг Тхи Фыонг Тхань [Чыонг, 2019] и др., однако ни одно из исследований не рассматривало семантический потенциал женских антропонимов романа «Чевенгур» – вехового произведения А. Платонова.

Актуальность работы обусловлена, в первую очередь, отсутствием в современной лингвистике исследований, рассматривающих женский антропонимикон романа «Чевенгур» как единую систему, анализ которой способствует выявлению таких принципов ономастического кода художественных текстов А. Платонова, как соответствие имен собственных женских персонажей русской «женской» антропонимической модели, их ассоциативность, социальная детерминированность, автобиографизм, соотнесённость с историческим хронотопом.

Исследование и его результаты

Функционирование литературных антропонимов в художественном тексте представляет интерес для изучения, что обусловлено определенными особенностями: система художественного текста состоит из различных элементов, в том числе и антропонимов, которые, в частности, могут указывать на какую-то черту в характере персонажа, демонстрировать социальную принадлежность героя, указывать на отношение к нему автора.

Методом сплошной выборки нами были определены введенные писателем в текст романа женские имена. Выявленные женские антропонимы были проанализированы, рассмотрены особенности их употребления и семантический потенциал.

Отметим, что последовательность рассмотрения антропонимов в работе обусловлена композицией, в соответствии с которой писателем выбирается или создается оним (об этом см. в работе «Семантический потенциал мужских антропонимов в романе А. Платонова «Чевенгур», [Бугакова, 2022, с. 17-22]).

Так, одна из героинь рассматриваемого романа носит имя *Марья*; оним *Марья* является просторечной формой имени *Мария*, которое означает, в соответствии с данными «Словаря русских личных имен» А. В. Суперанской, «из др.-евр. מַרְיָם *мариам*, возможно, из *мрйм* любимая, желанная» [Суперанская, 1998, с. 402]. В контексте исследуемого произведения оним *Марья* имеет однозначную апелляцию к имени Богородицы – Марии. Такое предположение основано на том, что героиня «Чевенгура», «рожавшая двадцать лет ежегодно» [Платонов, 2009, т. 2, с. 10; далее в ссылках на это произведение указываются только страницы в круглых скобках], в период описываемых событий не родила: «в эту осень меньше родилось детей в деревне, чем в прошлую, а главное – не родила тетка *Марья*» (с. 10). Даже дети в деревне знали, что это плохой знак, значит, будет неурожай и, как следствие, голод. То есть автор, выбирая для героини имя *Марья*, наделяет ее некоторым сходством с Богородицей: именно от тетки *Марьи* зависит будущее людей, живущих в деревне. Мужское население деревни, определяя стратегию своего хозяйствования в текущем году, ориентируется на наличие/отсутствие беременности тетки *Марьи*. Важность тетки *Марьи* для деревни и ее жителей подчеркивается и уважительным отношением к ней окружающих, которые называют ее по имени-отчеству: «– *Паруешь, Марь Матвеевна?* – ... спрашивали ее прохожие мужики» (с. 10). Номинация героини состоит из просторечной формы *Марь* и стяженной формы *Матвеевна*. Отчество героини *Матвеевна* образовано от онима *Матвей* – «из др.-евр. מַטְוֵי *маттвьяху* дар бога Яхве» [Суперанская, 1998, с. 232]. Яхве – одно из имен Господа, впервые упоминается в Торе [Тора. Книга Бытия]. Сочетание в имени и отчестве героини имен Богородицы и Господа, полагаем, неслучайно: таким образом автор обращает внимание читателя на «божественную» функцию тетки *Марьи*. Это размышление подтверждается также и тем, что героиню называют полной формой имени. Видим, что к тетке *Марье* отношение действительно уважительное: в противовес именованию этой героини автор использует, например, оним *Агапка* для обозначения женщины в возрасте, которая не вызывает уважения в силу определенных причин: «*Старая нищенка Агапка тоже пригорюнилась*» (с. 170). Номинация образована при помощи суффикса -к- от онима *Агапа* – «др.-церк. – из греч. ἀγάπη *Агапе*: любовь» [Суперанская, 1998, с. 34]. И героиня, хотя и не вызывает такого уважения, как тетка *Марья*, пытается соответствовать своему имени, воплощая любовь и желание заботиться: «– *Возьми меня, Карпий, – сказала она, – я б тебе и рожала, я б тебе и стирала, я б тебе и щи варила*» (с. 170). Существует принятое в религиозной литературе толкование термина «Агапа» как христианской трапезы, которая называлась еще вечерей любви [Библия, Деян. 2:42, 46; 20:7]. Необходимо отметить, что образование онима при помощи суффикса -к-, как в случае с онимом *Агапка*, пожалуй, единственное в рассматриваемом романе. Остальные женские персонажи именуется либо по имени (если употребляется деминутивная форма имени, то образуется она при помощи других суффиксов), либо по отчеству (возрастные женщины), либо по имени и отчеству (так выражается уважение к героине).

Казалось бы, употребление отчества в качестве обозначения женского персонажа – это наиболее популярный способ уважительного обозначения ге-

роины в возрасте. Однако отчество *Игнатъевна* используется писателем для именованья старухи, которая «лечила от голода малолетних: она им давала грибной настойки пополам со сладкой травой, и дети мирно затихали с сухой пеной на губах» (с. 2), в связи с чем вряд ли Игнатъевна может вызывать уважение. Полагаем, что в данном случае А. Платонов указывает на утрату женского начала, что подтверждается и этимологией ее отчества, связанного с огненной – мужской (ср. Перун, Вулкан, пророк Илья и т. д.) – стихией: *Игнатъевна* – от *Игнатий* (*Игнат*) – «из лат. *Ignatius* *Игнатиус*: *игнеус* огненный» [Суперанская, 1998, с. 193]. Умерщвляя младенцев, Игнатъевна поступает в соответствии с обстоятельствами. А. Платонов вводит в текст оппозицию *живой-неживой*: Игнатъевна забирает юбку за превращение живого в мертвое: «*Игнатъевна простирала юбку на свет и говорила: – Да ты поплачь, Митревна, немножко: так тебе полагается*» (с. 10). Называние по отчеству и плата за умерщвление ребенка юбкой – детали одного ряда, так как юбка – обязательный атрибут женщины, особенно Воронежского края (откуда А. Платонов родом), где юбка-понева надевалась только замужними женщинами (в редких случаях при наступлении совершеннолетия) [Панова, 2019, с. 38]. Отдавая младенца и юбку, *Митревна*, отчество которой связано с землей как родящим началом (*Митревна* – просторечная форма отчества *Дмитриевна*, образованного от *Дмитрий* – «из греч. Διμήτριος *Димитриос/Деметриос* относящийся к Деметре – богине земледелия и плодородия» [Суперанская, 1998, с. 169]), превращается в бесплодное существо, не имеющее ни женского имени, ни женской одежды. Употребление в качестве номинации отчеств *Игнатъевна* и *Митревна* дает возможность автору поставить героинь в один ряд: они обе участвуют в умерщвлении ребенка, а значит, утрачивают свое женское имя и вместе с ним женское начало, ведь главное предназначение женщины – быть матерью. Все это – результат нарушения природной гармонии: земля перестает выполнять свою прямую функцию – рожать и кормить детей, а вместо этого умерщвляет их, прибегнув к помощи Игнатъевны. Здесь очевидно влияние популярного в творчестве А. Платонова библейского сюжета «Прах ты, и в прах возвратишься» [Библия, Быт. 3, 19]. Известный исследователь творчества А. Платонова Н. М. Малыгина о ситуации умерщвления младенцев в «Чевенгуре» писала: «Истории младенцев ... близки к сюжету ветхозаветной книги Иова, который в момент посланных Богом испытаний молит: «Пусть бы я, как небывший, из чрева перенесен был во гроб» (Иов. 10, 19)». Видим, что умерщвляемые матерью с помощью старухи Игнатъевны младенцы «из чрева» переносятся «во гроб» [Малыгина, 1995, с. 134]. Обнаруживаемые в тексте романа аллюзии к библейским сюжетам объясняются тем, что А. Платонов, как известно, учился в церковно-приходской школе. Это обстоятельство позволяет быть уверенным в его знании основных библейских сюжетов и проводить параллели с библейскими текстами. Кроме того, Н. И. Дужина, например, отмечает, что «Андрей Платонов всегда интересовался философскими вопросами, много читал и знал, несмотря на то что не имел систематического гуманитарного образования» [Дужина, 2019, с. 265].

Трехчастная модель имя+отчество+фамилия, традиционная для русской лингвокультуры, активно используется А. Платоновым для именованья жен-

ских персонажей в романе «Чевенгур». Вводя такие номинации, автор демонстрирует максимально уважительное отношение к героине, а также необходимость соблюдения некоторой дистанции. Например, женщину, у которой семеро собственных детей и которая, несмотря на это, приютила осиротевшего Сашу Дванова, автор называет по модели имя+отчество+фамилия, показывая читателю ее доброту и человечность: «Взяла мальчика другая баба, Мавра Фетисовна Дванова, у которой было семеро детей. Ребенок дал ей руку, женщина утерла ему лицо юбкой, высморкала его нос и повела сироту в свою хату» (с. 11).

Героиня романа «Чевенгур» носит имя *Мавра*. «Словарь русских личных имен» А. В. Суперанской трактует имя *Мавра* как женский вариант имени *Мавр* – «из греч. *ταυροῦ μαυρος*, черный» [Суперанская, 1998, с. 225]. Имя *Мавра* сочетается с отчеством *Фетисовна*. Фетис – это разговорная форма имени *Феоктист*, от греч. *Θεόκτιστος* «созданный богами» [Суперанская, 1998, с. 321]. Вводя для именования героини трехчастную модель имя+отчество+фамилия, автор отражает целостность образа приемной матери Дванова, которая, несмотря на обстоятельства, исполняет главное предназначение женщины – быть матерью.

Семья важна для писателя, поэтому он уделяет большое внимание тому, чтобы герои романа имели семью. К этому стремятся все: и Агапка (см. выше), и, например, Захар Павлович, который, «чтобы не умереть одному, ... завел себе невеселую подругу – жену Дарью Степановну» (с. 25). И если женщины у Платонова хотят вступить в союз с мужчиной, чтобы заботиться о нем и дарить свою любовь, то мужчины, как видим, демонстрируют скорее потребительское отношение: жена нужна, чтоб не умереть одному. Позиционируется жена как подруга, т. е. о любви со стороны мужчины размышлять не принято. Примечательно, что жену герой «завел», обычно так говорят о домашних животных. Жену, которую заводит себе герой, автор именует, употребляя двучастную модель имя+отчество, что свидетельствует, безусловно, об уважительном отношении к этой женщине. Имя *Дарья* – вариант женского рода, образованный от *Дарий* – с перс. *Dārayavahuš* добрый, благой [Суперанская, 1998, с. 164]. Отчество героини – *Степановна* – образовано от имени *Степан* (от др.-греч. *Στέφανος* (стефанос) – «венок, венец, корона, диадема») [Суперанская, 1998, с. 360]. Употребление для именования героини подобного сочетания говорит о том, что Дарья Степановна призвана принести добро в жизнь Захара Павловича, стать, возможно, ему главным даром, венчающим его жизнь.

Тенденция употребления двучастной модели имя+отчество для именования героинь достаточно популярна у А. Платонова. Как уже говорилось, такое употребление свидетельствует об уважении по отношению к героине либо со стороны автора, либо со стороны других героев романа. Так, вводя номинацию *Фекла Степановна*, автор подчеркивает важность этой героини в жизни Саши Дванова: «Хозяйка Фекла Степановна кончила работу» (с. 58). *Фекла* (из греч. *Θέκλα* *theos* бог + *kleos* слава) [Суперанская, 1998, с. 434], *Степановна* (от др.-греч. *Στέφανος* (стефанос) – «венок, венец, корона, диадема») [Суперанская, 1998, с. 360]. Здесь важно обратить внимание на частотность функционирования отчества *Степановна* в романе.

Отметим, что употребление имени и отчества в качестве номинаций, подчеркивающих дистанцию между героями, также возможно в рассматриваемом романе. Так, например, размышляя о Соне, главный герой, Саша Дванов, приходит к следующему заключению: «*При социализме Соня станет уже Софьей Александровной, – подумал Дванов. – Время пройдет*» (с. 89). Софья – разговорная форма, образованная от *София* (из греч. σοφία Sophia мудрость, разумность, наука) [Суперанская, 1998, с. 426]. Отчество *Александровна* образовано от *Александр* (из греч. Ἀλέξανδρος Alexandros : alexō защищать + anēr, andros мужчина) [Суперанская, 1998, с. 426] и символизирует способность героини помогать мужчинам, подходя, однако, к этому вопросу разумно. Но чтобы научиться подобному отношению, человек должен приобрести некий опыт, который придет со временем. С приобретением такого опыта женщины Чевенгура смогут себе позволить отдавать приказы мужчинам. Так поступает Клавдюша, на вопрос о которой: « – *Это кто такая – супруга, что ль, твоя?*» (с. 102) Чепурный отвечает: « – *У нас супруг нету: одни сподвижницы остались*» (там же), отрицая тем самым необходимость брака и создания семьи. Находясь в тесных отношениях с Чепурным, Клавдюша дает распоряжение: « – *Чепурный, – обратилась женщина. – Дай Лую муки на мену, он мне полушалок принесет.*

– *Дадим, Клавдия Парфеновна, непременно дадим, используем момент, – успокоил ее Прокофий*» (с. 109).

Уменьшительную форму *Клавдюша*, образованную при помощи суффикса *-юш-* от имени *Клавдия* (женск. к *Клавдий*, из лат. *Claudius* Клавдий, римское родовое имя из *claudio* хромать, *claudus* хромой [Суперанская, 1998, с. 210]) употребляет в качестве номинации Клавдии Парфеновны ее близкий друг Чепурный. Для остальных товарищей она Клавдия Парфеновна; отчество *Парфеновна* – от разговорной формы *Парфен* имени *Парфений* (из греч. παρθένος: *parthenos* целомудренный, чистый, девственный) [Суперанская, 1998, с. 265]. Вводя такую номинацию героини, автор обращает внимание на ее «хромающую чистоту», поскольку Клавдия Парфеновна не гнушается получением возможных материальных благ и находится в отношениях с мужчиной, не состоя с ним в официальном браке, хотя сожитительство всегда осуждалось религией и обществом. Подобная вольность и самих мужчин провоцировала на легкое отношение к Клавдюше. Чепурный зовет ее Клобздюшей:

– *Едем, – согласился Чепурный. – Соскучился я по своей Клобздюше!* (с. 102). Номинация образована на основании созвучия с формой *Клавдюша*; М. Михеев объясняет употребление подобной номинации в отношении Клавдюши следующим образом: «она любит класть чужое к себе – но и себя под чужое; как клоп, присасываясь к любой власти; от всех ее поступков как-то дурно пахнет, смердит» [Михеев, 2001].

Негативно относятся к героине и другие персонажи романа: «*Прокофий взял под руку Клавдюшу.*

– *Ну, а мы что будем делать, гражданка Клобзд?*» (с. 204). Прокофий Дванов употребляет форму *Клобзд*, отбросив формант *-юш-*, и это, во-первых, является свидетельством того, что со временем Клавдюша становится более опытной, матерой любительницей «класть чужое к себе», и уже заслуживает

номинации без уменьшительно-ласкательного суффикса; во-вторых, уменьшительно-ласкательные формы имен принято употреблять в отношениях с близкими людьми, поэтому, употребляя оным *Клобзд*, Прокофий подчеркивает дистанцию между собой и Клавдьюшей; на это указывает и употребление обращения *гражданка*, принятого в обществе в описываемое время.

Автор рассматриваемого произведения для номинации героинь, помимо уже перечисленных, использует также модель имя+фамилия. Такие случаи употребления демонстрируют официальность ситуации: «*председатель предложил собранию выделить заведующую птицей и рожью Маланью Отвершкову – для постоянного голосования всем напротив*» (с. 69). Маланья Отвершкова, заведующая птицей, наделяется более важной миссией – на всех мероприятиях, где требуется голосование, она должна голосовать не так, как все, а наоборот; это необходимо для соблюдения процедуры голосования и обеспечения голоса «против». *Маланья* – из греч. *μελανία*: *melaina* чернота; темная, загадочная; лат. *Melania* [Суперанская, 1998, с. 401]. Фамилия *Отвершкова* образована при помощи префикса *от-* (при добавлении к имени существительному этот префикс получает значение производства, происхождения), корневой морфемы *-вершк-* (вершок – старая русская мера длины, равная 4,4 см) и суффикса *-ов*, типичного при образовании русских патронимов (см. об этом [Унбегаун, 1989, с. 5]). Подобное сочетание имени и фамилии характеризует героиню как маленького («от горшка два вершка»), незаметного, необразованного (темная) человека. Несмотря на такие качества, героиня наделена важной миссией: она озвучивает мнение, противоречащее мнению большинства, т. е. ведет себя абсолютно нетипично в социалистическом обществе.

Двучастная модель имя+фамилия употребляется писателем при образовании онима *Роза Люксембург*. *Роза Люксембург* – известный политический деятель, теоретик революционного марксизма [Новая философская энциклопедия, 2010, т. 2, с. 467] и идейный вдохновитель Копенкина, одного из героев «Чевенгура». В качестве идеала, о котором мечтает Копенкин, автор выбирает именно Розу Люксембург не просто так, и дело здесь не столько в ее политических достижениях, сколько непосредственно в имени. *Роза* нов. календ. – по назв. цветка [Суперанская, 1998, с. 421]. Метафора «человек-растение» актуальна в художественном мире Платонова: «растения воспринимаются и автором, и его героями как равноправные персонажи романа, способные соперничать человеку» [Малыгина, 1995, с. 135]: «*Копенкин ... подозрительно оглядывал ... куст: так же ли он тоскует по Розе*» (с. 51). Здесь очевидны апелляции писателя к Библии: «Человек ... как цветок, он выходит и опадает» [Библия, Иов. 14; 1, 2]. О «растительном мотиве» в «Чевенгуре» говорит и К. Баршт [Баршт, 2005, с. 22].

Достаточно распространено в романе формирование номинаций по модели *имя*. Только по имени автор называет героинь либо молодого возраста, либо в ситуации тесного общения (например, муж и жена). Так, например, одну из героинь зовут *Варя* – деминутивная форма от *Варвара* – из греч. *βάρβαρος* чужеземная [Суперанская, 1998, с. 359]. Имя полностью оправдывается поведением девочки: она ведет себя не как ребенок: «*Когда смерклось, двенадцатилетняя Варя умело сварила похлебку из картофельных шкур и*

ложки пшена» (с. 44). Детское поведение чуждо этой девочке; в 12 лет она обладает навыками взрослой женщины: и с младшими, и со старшими она ведет себя как главная в доме, выполняя функции матери, хозяйки: « – Папашка, слезай ужинать! – позвала Варя. – Мамка, кликни ребят на дворе: чего они стыннут там, шуты синие! Дванов застеснялся: что из этой Вари дальше будет? – А ты отвернись, – обратилась Варя к Дванову. – На всех вас не наготовишься: своих куча! Варя подоткнула волосы и оправила кофту и юбку, как будто под ними было что неприличное. Пришли два мальчика... – Я вам скоко раз наказывала раньше приходить! – закричала Варя на братьев. – У, идолы кромешные! Сейчас же снимайте одежду – негде ее брать!

Мальчики скинули свои ветхие овчинки... Варя собрала овчинные гуни в одно место и начала раздавать ложки.

– За папашкой следите – чаще не хватайте! – приказала Варя братьям порядок еды, а сама села в уголок и подперла щеку ладошей: ведь хозяйки едят после» (с. 44).

Одна из героинь, носящая имя *Настя* (уменьшительно-ласкательная форма от *Анастасия*: греч. *Ἀναστασία* ж. к *Ἀναστάσιος* – *ἀνάστασις* – «возвращение к жизни, воскресение, возрождение» («возвращённая к жизни») [Суперанская, 1998, с. 114, 350]), удивляет «тайной могучей прелестью», которая живет «в такой слабости ее тела» (с. 51). Несмотря на то, что героиня по имени *Настя* – «полудевушка ... пятнадцати лет» (там же) – слаба телом, она притягательна для калеки Кондаева и является его «душевной заботой» (с. 51), т. е. способна возвращать к жизни, вызывая чувства и эмоции.

Имя *Агриппина* – от мужск. *Агриппа* [Суперанская, 1998, с. 347], «из лат. *Agrippa* римское родовое имя; согласно легенде, основатель этого рода родился вперед ногами, что и отразилось в его имени» [Суперанская, 1998, с. 106] встречается в «Чевенгуре» в формах *Груня*, *Грунька*, *Груша*. Употребление этого имени обусловлено тем, что героиня ведет себя неправильно, противостоит естественному. Форма *Груня* используется для номинации незамужней женщины: «Пашинцев подошел к ней и восполнил своим чувством вдохновенной симпатии все ее ясные недостатки.

– Груня, – сказал он, – дай я тебя поцелую, голубка незамужняя!» (с. 78). *Груня*, будучи не замужем, позволяет посторонним мужчинам себя целовать; подобное поведение является недостойным, поскольку не соответствует моральным и этическим нормам, принятым в обществе. Оним *Груня* добавлением суффикса *-к-* трансформируется автором в уничижительную форму *Грунька*, демонстрирующую читателю пренебрежительное отношение к героине, вызванное ее неправильным поведением: «я сутки не сдавался – пугал всю армию пустыми бомбами, да Грунька – девка там одна – доказала, сукушка» (с. 116). Автор подчеркивает социальный статус героини – девка, т. е. незамужняя, и употребляет в ее адрес бранное слово – *сукушка*, образованное при помощи суффикса *-ушк-* от лексемы *сука*, в данном случае употребленной как ругательное выражение. Известно, что, кроме значения «самка домашней собаки, а также вообще животного сем. собачьих» [Ожегов, Шведова, 1997, с. 653], лексема *сука* имеет также значение «негодяй, мерзавец» (с пометкой

бран.) [Ожегов, Шведова, 1997, с. 653]. Грунька, которая «доказала», т. е. донесла на героя, заслуживает называться *сукушкой*.

Употребление формы *Груша* встречается в ситуации, противоположной описанному. Груша – замужняя женщина: «*Кирей лежал в снях на куче травы с женой Грушей и придерживал ее при себе в дремлющем отдыхе*» (с. 209), поведение которой соответствует ее социальному статусу.

Употребление онима *Поля* (уменьшительное от *Полина*: из фр. *Pauline* ж. к *Поль* – из лат. *Паулус*: малый [Суперанская, 1998, с. 260]), зафиксированное в романе, введено применительно к взрослой женщине: «*дворник-хозяин ... шептался с женой о своих дворовых заботах; на просьбу Дванова указать Шумилина ... надел валенки и накинул на белье шинель*:

– *Пойду постужусь для казны, а ты, Поля, не спи пока*» (с. 41). Деминутивная форма имени, употребляемая героем по отношению к своей жене, свидетельствует о близости мужа и жены, о том, что муж по отношению к жене заботлив.

Случаи употребления одночастной модели имени зафиксированы нами в ситуации, когда чевенгурцы находят поминальную книжку: «*Пиюся все это просмотрел у каждого, обратив пристальное внимание на поминальную книжку*.

– *Прочти, – попросил он одного чекиста.*

Тот прочитал:

– «*О упокоении рабов Божьих: Евдокии, Марфы, Фирса, Поликарпа, Василия, Константина, Макария и всех сродственников.*

О здравии – Агриппины, Марии, Косьмы, Игнатия, Петра, Иоанна, Анастасии со чадами и всех сродственников и болящего Андрея» (с. 120). Соответственно традиции, в поминальной книжке содержатся мужские и женские имена в графах «Об упокоении» и «О здравии». Имена в поминальных записках принято упоминать в полной форме, зафиксированной в святцах (список святых и праздников в календарном порядке). Отметим, что в поминальную книжку включены женские онимы *Евдокия, Марфа, Агриппина, Мария, Анастасия*. Онимы, включенные в графу «О здравии» (Агриппина, Мария, Анастасия) функционируют в тексте романа; они рассмотрены нами выше. А вот онимы, включенные в графу «Об упокоении», в тексте романа не встречаются. Отметим, что оним *Евдокия* в соответствии с данными «Словаря русских личных имен» А. В. Суперанской имеет следующие значения: «Евдокия из др.-греч. Εὐδοκία, от εὐδοκία – «благоволение, любовь» [Суперанская, 1998, с. 374]. Предположим, что этот оним включен в графу «Об упокоении», потому что писатель не видит возможным существование любви в Чевенгуре. *Марфа* – из греч. *Martha*: сирийск. *ܡܪܬܐ* хозяйка, госпожа [Суперанская, 1998, с. 474]; лат. *Martha* – так звали одну из жен-мироносиц, пришедших умастить благоволиями тело Иисуса Христа во гробе. Употребление этого онима в графе «Об упокоении» так же позволяет предполагать, что Платонов не допускает для чевенгурцев способности к состраданию, помощи.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, отметим, что отобранные нами методом сплошной выборки случаи употребления женских имен можно объединить в следующие группы: 1) именованья по имени (здесь можно выделить в отдельные группы именованья по полному имени и неполному (с употреблением как уменьшительно-ласкательных суффиксов, так и огрубляющих); 2) именованья по отчеству; 3) именованья, состоящие из имени и фамилии; 4) именованья, состоящие из имени и отчества; 5) именованья, состоящие из имени, отчества и фамилии. Данные антропонимические модели являются традиционными для национальной картины мира русского народа. Заметим, что отчества героинь А. Платонов образует, как правило, от разговорных форм мужских имен. Полагаем, это обусловлено стремлением писателя обозначить социальный статус женских персонажей. Интересной особенностью ономастической лаборатории А. Платонова в период работы над романом «Чевенгур» является тот факт, что имена из поминальной книжки, внесенные в графу «Об упокоении», не встречаются в тексте романа в качестве антропонимов здравствующих героинь. Используемые автором женские антропонимы в романе «Чевенгур» направлены на создание образа через отражение в имени особенностей характера и поведения героини, соотнесенность с русской православной культурой, а также способны демонстрировать социальный статус и возрастные характеристики. Примечательно, что употребление в качестве женского антропонима только отчества (т. е. мужского онима) вводится писателем для того, чтобы обратить внимание на утрату героиней женского начала.

Список источников

Баршт К. Поэтика прозы Андрея Платонова: 2-е изд., доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 480 с.

Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 1995. 1254 с.

Бугакова Н. Б. Семантический потенциал мужских антропонимов в романе А. Платонова «Чевенгур» // *Philologos*, 2022. № 3. С. 17-22.

Дужина Н. И. Строительство социализма в повести А. Платонова «Котлован» // *Studia Litterarum*, 2019. Т. 4, № 3. С. 252-266.

Ковалев Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Науч. кн., 2014. 447 с.

Малыгина Н. М. Художественный мир Андрея Платонова: учеб. пособие. М.: МПУ, 1995. 148 с.

Михеев М. Сон, явь или утопия? Еще один комментарий к «Чевенгуру» Платонова. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_1/2001_1_08.htm#_ftn1 (дата обращения 15.07.2022)

Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. Науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010, т. 2, Е – М. 634 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова: 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 342, 653.

Панова М. В. Этнолингвистическое описание наименований понева в воронежских говорах // Диалектологический альманах: сб. материалов и исследований. Вып. 3. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т 2019. С. 32-46.

Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2009.

Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М.: Изд-во АСТ, 1998. 522 с.

Тора. Книга бытия [Электронный ресурс]. URL: <https://ja-tora.com/tora-h/bytie-bereshit/> (дата обращения 14.07.22).

Унбегаун Б. Русские фамилии: пер. с англ. / общая редакция Б. А. Успенского. М.: Прогресс, 1989. 440 с.

Чьонг Т. Ф. Т. Ономастика ранних и автобиографических произведений Андрея Платонова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. 164 с.

References

Barsht K. (2005). *Poetics of Andrei Platonov's prose*. 2nd ed., supplement. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 480 p. (In Russian).

Bible. Books of the Old and the New Covenant. (1995). Moscow, Russian Bible Society. 1254 p. (In Russian).

Bugakova N. B. (2022). The semantic potential of male anthroponyms in A. Platonov's novel "Chevengur". *Philologos*, no. 3, pp. 17-22. (In Russian).

Duzhina N. I. (2019). The construction of socialism in A. Platonov's story "The Pit". *Studia Litterarum*, vol. 4, no. 3, pp. 252-266. (In Russian).

Kovalev G. F. (2014). *Favorites. Literary onomastics*. Voronezh. 447 p.

Malygina N. M. (1995). *Artistic world of Andrey Platonov. Tutorial*. Moscow, MPU. 148 p. (In Russian).

Mikheev M. *Dream, reality or utopia? Another commentary on Platonov's Chevengur*. [Electronic resource]. Available at: https://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_1/2001_1_08.htm#_ftn1 (accessed 15.07.2022) (In Russian).

New Philosophical Encyclopedia. In four volumes. (2010). Institute of Philosophy RAS. Scientific ed.: V.S. Stepin, A.A. Huseynov, G.Yu. Semigin. Moscow, vol. 2, E - M, p. 467. (In Russian).

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (1997). *Explanatory Dictionary of the Russian Language* / Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian Language named after V.V. Vinogradov. 4th ed., add. Moscow, Azbukovnik, pp. 342, 653. (In Russian).

Panova M. V. (2019). Ethnolinguistic description of poneva names in Voronezh dialects. *Dialectological almanac*. Collection of materials and research. Issue. 3. Voronezh, pp. 32-46. (In Russian).

Platonov A. (2009). *Collected works in 8 volumes*. Vol. 2. Chevengur. Pit. Time. Moscow, Vremya. (In Russian).

Superanskaya A. V. (1998). *Dictionary of Russian personal names*. Moscow, Publishing AST. 522 p. (In Russian).

Torah. Book of Genesis [Electronic resource]. Available at: <https://ja-tora.com/tora-h/bytie-bereshit/> (accessed 14.07.2022). (In Russian).

Truong T. F. T. (2019). *Onomastics of Andrey Platonov's Early and Autobiographical Works*. Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS. 164 p. (In Russian).

Unbegaun B. (1989). *Russian surnames: Trans. from English*. / Ed. B.A. Uspensky. Moscow, Progress, 440 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Бугакова Надежда Борисовна – канд. филол. наук, доцент, доцент, кафедра русского языка и межкультурной коммуникации, ya_witch@mail.ru

Information about the Author

Nadezhda B. Bugakova – Ph.D. of Philology, associate professor, Department of the Russian Language and Intercultural Communication, ya_witch@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 30.03.2023.

The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 30.03.2023.